

ДЖЕННИФЕР Е. СМИТ

ПРИВЕТ, ПРОЩАЙ
и все, что между
нами

Дженнифер Е. Смит
Привет, прощай и
все, что между ними
Серия «Young Adult.
Головокружительная
романтика Дженнифер Смит»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70279120
ISBN 978-5-04-198681-0

Аннотация

Экранизация от Netflix!

От автора мирового бестселлера «Статистическая вероятность любви с первого взгляда»!

«Привет, прощай и все что между ними» – очаровательный, милый, полный мудрости и теплоты роман о том, как сложно бывает сделать выбор.

Порой самые сложные вещи – самые стоящие.

Клэр и Эйдан вместе почти два года. Но в последний вечер перед отъездом в колледж им придется решить: расстаться или попробовать отношения на расстоянии.

В течение двенадцати часов они посетят все важнейшие места, которые у них связаны друг с другом. Побывают в парке, отведают пиццы в любимом ресторанчике, сходят на пляж, посетят дом родителей и проедут в последний раз мимо школы. Этот вечер станет настоящим путешествием в прошлое, прогулкой среди воспоминаний их двухлетних отношений.

Смогут ли Клэр и Эйдан сделать правильный выбор? Или же простятся навсегда?

«За один грандиозный вечер Дженнифер Смит превосходно передала каждый щемящий, тончайший нюанс первой любви». – Сара Дессен, автор бестселлеров *The New York Times*

«Это потрясающее произведение от Дженнифер Смит причинит боль вашему сердцу. Но это хорошая боль. Самая лучшая. Боль за персонажей, которые настолько реальны, будто дышат, а сама история вызывает эмоции (очень много эмоций) на каждой странице». – Дженнифер Нивен, автор романа «*Все радостные места*»

Содержание

Пролог	8
Остановка первая	11
Остановка вторая	28
Остановка третья	46
Остановка четвертая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дженнифер Е. Смит Привет, прощай и все, что между ними

Jennifer E. Smith

HELLO, GOODBYE, AND EVERYTHING IN BETWEEN

Copyright © 2015 by Jennifer E. Smith Inc

Перевод с английского Е. Прокопьевой

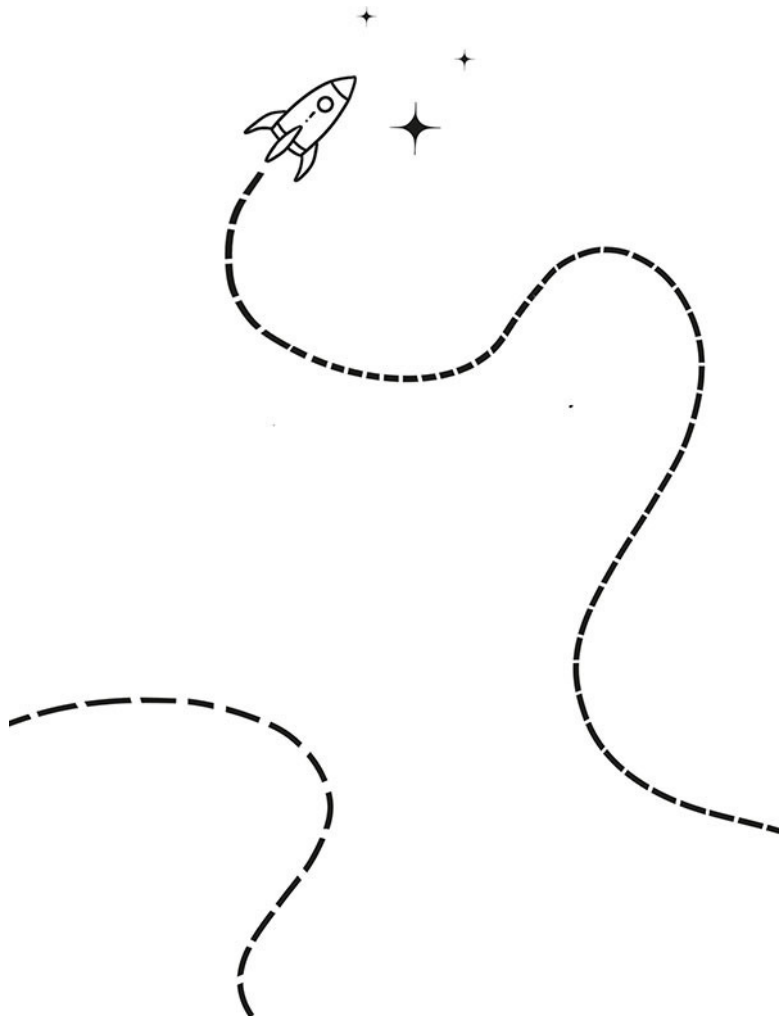
Художественное оформление Я. Клыга

Иллюстрация на переплете Markass

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Джен с безмерной благодарностью

Пролог

Эйден открывает дверь, и Клэр, приподнявшись на цыпочках, целует его. На секунду кажется, что сегодняшняя вечер ничем не отличается от остальных.

– Привет, – говорит она, отступая назад, и он улыбается.

– Привет.

Несколько долгих секунд они смотрят друг на друга, не зная, с чего начать.

– Ну что? – наконец произносит Клэр.

Эйден пытается изобразить улыбку.

– Что?

– Похоже, вот и все.

Он кивает:

– Пожалуй.

– Последний вечер, – говорит Клэр, и Эйден, склонив голову, смотрит на нее.

– Необязательно.

– Эйден...

– Знаю-знаю, – отвечает он, поднимая руки вверх. – Но не вини меня, ладно? Еще есть немного времени, чтобы заставить тебя передумать.

– Всего лишь двенадцать часов, – посмотрев на наручные часы, уточняет Клэр. – Поверить не могу, что нам осталось так мало!

– И это если мы не будем ложиться спать.

– Мы точно не будем тратить это время на сон, – говорит Клэр, вытаскивая из кармана платья сложенный тетрадный лист. – Нам столько всего предстоит сделать!

Эйден поднимает бровь:

– Надеюсь, это не список причин, по которым нам стоит расстаться...

– Нет. – Клэр протягивает ему листок и наблюдает, как он с озадаченным видом пробегает глазами по пунктам. – Просто решила, что нам нужен план.

– И это он?

Она кивает:

– Да.

– Ладно, – сделав глубокий вдох, говорит Эйден. – В таком случае, думаю, нам пора выдвигаться.

Они вместе направляются к машине, но Клэр вдруг резко останавливается на полпути. Ее охватывает необъяснимое волнение, и сердце начинает биться чаще. Она поднимает глаза на Эйдена – в них отражается легкая паника.

– Это какое-то безумие!

– Что именно?

– То, что завтра мы уезжаем, – отвечает Клэр, и ее голос поднимается на несколько октав. – Что спустя столько времени нам осталось всего лишь двенадцать часов. Я имею в виду... мы наконец здесь, понимаешь? В конце пути.

– Или в начале, – замечает Эйден.

Клэр ничего не отвечает. Она отчаянно хочет верить ему, но сейчас, когда впереди их ждет нечто настолько значительное, это кажется невозможным.

– Доверься мне, – говорит Эйден, протягивая ей руку. – За двенадцать часов много чего может произойти.

Остановка первая

Старшая школа

18.24

Эйден не торопится поворачивать ключ зажигания, и Клэр на мгновение позволяет себе вообразить, будто они сейчас собираются ехать на ужин, или в кино, или еще куда-нибудь – обычная беззаботная поездка, как раньше. Кажется, все их вечера всегда так и начинались: они сидели в пыльной «Вольво» Эйдена и решали, чем заняться.

Но сегодня все по-другому.

Никакое это не начало. Сегодня все закончится.

Рука Эйдена все еще висит над ключом, и Клэр опускает глаза на лист бумаги, лежащий на ее коленях. За то короткое время, что занимает дорога до дома Галлахеров – а за последние два года Клэр проходила ее тысячи раз, – она складывала и раскладывала его так много раз, что он стал мягким и мятым.

– Может, нам просто смыться? – говорит Эйден, косясь на Клэр. – Махнем в Канаду.

– В Канаду? – приподняв брови, переспрашивает она. – Мы что, в бегах?

Он пожимает плечами:

– Ладно. Тогда давай в Висконсин.

Клэр кладет руку на его рыжеватый затылок, недавно подстриженный. Из-за этого он почему-то выглядит старше.

– Я уезжаю рано утром, – мягко говорит она. – Вещи уже в машине. А ты улетаешь в полдень.

– Помню, – не глядя на нее, отзывается Эйден. Он пристально смотрит на закрытую гаражную дверь. – Но в том-то и смысл – давай никуда не поедем.

– Не поедем в колледж? – с улыбкой спрашивает Клэр и опускает руку.

– Ну да, – кивая, говорит Эйден. – Кому это нужно? Лучше вместе сбежим. На год иди два. Начнем новую жизнь. В другой стране. А еще лучше – на необитаемом острове.

– Тебе *очень* пойдет юбка-хула¹.

– Я серьезно! – говорит он, но Клэр знает, что это не так. Просто ему, в точности как и ей самой, ужасно грустно и жутко волнительно. Сейчас ни в чем нет уверенности – ведь они вот-вот пересекут невидимую линию, которая разделит их жизни на «до» и «после».

– Эйден, – тихо зовет его Клэр, и в этот раз он поворачивается к ней. – Это случится. Завтра. Несмотря ни на что.

– Знаю, – отвечает он.

– Поэтому мы должны решить, что нам делать.

– Все верно, но...

– Нет! – перебивает Клэр и протягивает ему тетрадный лист. – Хватит разговоров. Мы обсуждали это все лето, но

---

¹ Традиционная гавайская юбка (здесь и далее примечания переводчика).

так ни к чему и не пришли. Мы продолжаем ходить по кругу: остаться вместе или расстаться, остаться вместе или расстаться...

– Остаться вместе, – чуть улыбнувшись, заканчивает Эйден.

Клэр смеется.

– Мы безнадежны. Так что никаких больше разговоров. Давай уже поедem, ладно?

Эйден наклоняется вперед и, повернув ключ, заводит машину.

– Ладно.

Их первая остановка находится совсем близко. Они едут в тишине, а за окном скользят знакомые виды городка: мост через ущелье, сосны вдоль дороги, беседка в парке. Клэр старается сохранить эти пейзажи в памяти, ведь когда она вернется сюда на День благодарения, то наверняка будет уже совсем другим человеком. Ей немного страшно от того, что все это тоже может поменяться. Поэтому сейчас она пытается запечатлеть каждую деталь – каждое дерево, каждую тропинку, каждый дом.

Сегодня Клэр проснулась в панике из-за того, как много «прощай» ей еще предстоит сказать. Эйдену, конечно, лучшей подруге Стелле, сестре Эйдена Райли и его приятелю Скотти, не говоря уже о других их друзьях, которые еще не разъехались.

Но попрощаться нужно не только с людьми... Остается

еще и сам город. Все те места, в которых она росла. Клэр не может уехать, не побывав еще раз в парке или не отведав пиццы в любимом рестораничке. Она не может вот так взять и покинуть родной городок, не сходяв еще раз на пляж и на последнюю вечеринку, не проехав в последний раз мимо школы.

Поэтому Клэр и составила список. А дописав его, тут же поняла: почти все, что хоть что-то значит для нее, неразрывно связано с Эйденом. Этот городок можно назвать городом-призраком, усыпанным важнейшими местами и событиями из их почти двухлетних отношений.

И вот этот вечер должен стать ностальгическим турне, путешествием в прошлое, прогулкой среди воспоминаний. Такой своеобразный способ Клэр попрощаться с городком, где она провела всю жизнь, а может, заодно и расстаться с Эйденом.

При мысли об этом ее невольно бросает в дрожь, и она жмет на кнопку, чтобы закрыть окно.

Эйден бросает на нее быстрый взгляд.

– Дует? – спрашивает он, закрывая окно со своей стороны. Клэр кивает. На самом деле ей холодно от леденящего страха, который заполняет все естество, стоит лишь представить, что последует за их прощанием: ту боль, которую они увезут с собой в противоположные концы страны и которую она чувствует даже сейчас, несмотря на то что Эйден всего в нескольких сантиметрах от нее.

Клэр все ждет, когда ее сердце наконец смирится с тем, что уже давно решила голова. Времени на это почти не остается.

Когда они въезжают на длинную аллею, ведущую к школе, Эйден хмурится.

– И все же скажи мне, – говорит он, когда они останавливаются на одном из пустых парковочных мест перед вытянутым зданием, – зачем мы здесь?

Стоит конец августа, ранний вечер пятницы, поэтому в школе тихо и пусто. Клэр провела здесь четыре года, но ей уже тяжело вспомнить, как здесь было, когда многочисленные ученики вылетали на лужайку через деревянные двери. Прошло всего-то два месяца, но сейчас почему-то кажется, что миновала целая вечность.

– Затем, – отвечает она, повернувшись к Эйдену, – что это первая остановка из списка.

– *Это* я знаю. Но почему?

– Здесь мы встретились. – Клэр выходит из машины. – Я хочу начать с начала.

– Значит, это *хронологический* квест.

– Никакой это не квест, а скорее курс повторения.

– Курс повторения чего?

Клэр улыбается ему поверх крыши машины:

– наших отношений.

– Ясно, типа нашего списка лучших песен, – говорит Эйден и, вращая ключи на пальце, обходит машину. На долю

секунды кажется, что ничего не изменилось. Сейчас, в это самое мгновение, он не парень, которого она знает лучше всех на свете, а снова тот новенький, что появился в их школе в первый день одиннадцатого класса: рыжий, невероятно высокий, весь в веснушках. Он возник словно из ниоткуда и перевернул ее мир с ног на голову.

Косые закатные лучи за спиной Эйдена заставляют Клэр зажмуриться, пока она рассматривает его несколько долгих секунд.

– Я когда-нибудь рассказывала тебе, что каждый день опаздывала на английский ради того, чтобы столкнуться с тобой в коридоре, когда ты шел на алгебру?

– Ну вот, теперь я чувствую себя виноватым, – отвечает Эйден, и в уголках его глаз собираются морщинки. – Если бы я знал об *этом*, то постарался бы не опаздывать.

– Это бы мало что изменило. – Клэр вспоминает, как он выскакивал из-за угла с зажатыми под мышкой учебниками, постоянно пропуская звонок: сначала потому, что в очередной раз заблудился, а потом потому, что вечно умудрялся терять счет времени. – Я бы ждала хоть целый день. Наверное, даже вечность.

Конечно, Клэр шутит, но в улыбке Эйдена проскальзывает что-то грустное и мечтательное.

– Правда? – спрашивает он.

Она пожимает плечами:

– Правда.

– Жаль, что сейчас все изменилось, – говорит Эйден, но без всякой обиды. Он произносит эту фразу тихим ровным голосом, просто констатируя факт.

Но Клэр все равно чувствует себя задетой.

– Прекрати так делать. Хватит вести себя словно последний романтик!

Эйден кажется удивленным.

– В смысле?

– Это нечестно! Меня бесит, что в этой ситуации ты выбрал роль хорошего парня. Ведь я совсем не *хочу* расставаться с тобой. Сама мысль об этом убивает меня, но я пытаюсь быть практичной. С завтрашнего дня нас будут разделять миллионы километров, и нет смысла что-то придумывать. Так что тебе лучше прекратить.

– Прекратить... быть романтичным? – спрашивает Эйден, забавляясь моментом.

– Да.

– А может, это тебе стоит перестать быть такой практичной?

Клэр вздыхает:

– Кто-то из нас должен оставаться практичным.

– И это тот, кто задумал в наш последний совместный вечер устроить романтичный квест? – Эйден обнимает ее рукой за плечи и слегка сжимает.

Клэр закатывает глаза:

– Это не квест!

– Ладно, пусть, но я все равно считаю, что это подозрительно романтичный поступок для того, кто из кожи вон лезет, чтобы вести себя практично, – притягивая к себе Клэр, отвечает Эйден.

Клэр достает ему только до груди, и поэтому ей приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Эйден тут же наклоняется, чтобы поцеловать ее, и, хотя они делали это уже тысячи раз – даже на этой самой школьной парковке, – у нее все равно подкашиваются ноги. И вдруг Клэр в ужасе понимает, как мало поцелуев им осталось.

Они вместе поднимаются по школьной парадной лестнице, и Клэр тянет за ручку массивной деревянной двери, но та не поддается. Она пару раз стучит на случай, если внутри дежурит охранник, но никто не отвечает.

– Занятия начнутся только через пару недель, – напоминает ей Эйден. – Уверен, что в вечер пятницы тут точно никого нет.

– Я думала, может, работает летняя школа или типа того...

– Давай уже просто перейдем к следующему пункту.

Клэр качает головой, не зная, как объяснить Эйдену всю суть сегодняшнего свидания: вместить два года в этот последний вечер; высыпать из коробки все кусочки, а потом сложить обратно в правильном порядке, чтобы получившаяся картинка была как на ладони.

И чтобы они сказали наконец друг другу «прощай».

Но для этого им нужно начать с самого начала.

– Нет, – говорит Клэр, поднимая глаза на каменное здание. – Должен быть способ попасть внутрь. Здесь мы впервые увидели друг друга...

Эйден улыбается:

– На уроке мистера Коди, геологии.

– Точно! Только не говори, что помнишь!

– Конечно, помню.

– Нет! По крайней мере, тот первый день.

– Да ладно тебе! – смеется Эйден. – Как *тебя* можно не запомнить?

– Это нереально, – соглашается Клэр, хотя знает, что это неправда. Ее называли умной, забавной, целеустремленной и талантливой, но незабываемой – никогда. Главные стороны ее характера (те самые, которыми она очень гордится) раскрываются только после знакомства. На первый же взгляд Клэр кажется довольно неприметной: каштановые волосы, карие глаза, средний рост – короче говоря, ничего необычного. Она ничем особо не выделяется, и ее это вполне устраивает. Тем более что в старшей школе все могло быть куда хуже. Эйден был первым парнем, который по-настоящему заметил ее.

В тот свой первый день в школе он сел прямо перед ней. Преподаватель передал в класс жеоды², и, когда подошла ее

---

² Геологическое образование в виде замкнутой полости различных форм, внутри которой в виде кристаллов откладываются минеральные вещества.

очередь, Клэр бережно взяла один из них в ладони. С виду это был обычный камень, но внутри переливались фиолетовые кристаллы. Когда она передавала его новенькому, он смотрел только на жеод. Но потом, когда наконец заметил ее, когда они оба поняли, что это начало чего-то... Этот момент она готова вспоминать снова и снова. Потому что после встречи с Эйденом Клэр, похожая на обычный пыльный камень, засияла, как кристаллы внутри жеоды.

– Нам нужно попасть в школу, – ощутив странный прилив отчаяния, повторяет Клэр.

Эйден непонимающе смотрит на нее.

– Это правда так важно?

– Да! – Клэр снова начинает дергать дверную ручку, хотя и очевидно, что это бессмысленно. – Нам надо все сделать правильно.

Эйден не понимает, почему это так важно для нее, и ей вряд ли удастся ему объяснить. Но завтрашний день, когда все изменится, приближается неумолимо быстро, и этот план на их последнее свидание – единственное, что она пока еще может контролировать.

Все лето Клэр изучала описания выбранных курсов и карту кампуса и переписывалась с будущей соседкой по комнате, пытаясь понять, какой скоро станет ее новая жизнь. Но сколько бы она ни читала, сколько бы информации ни искала, ей так и не удалось четко представить все детали. А ведь нет ничего хуже незнания.

В стольких вещах еще предстоит разобраться! Клэр сомневается, сможет ли совмещать вводный курс по психологии с историей Японии или найти кого-то, с кем можно будет сидеть в столовой в первые напряженные дни, когда незнакомые друг с другом люди начнут объединяться в компании друзей.

Она пока не уверена, сможет ли ужиться с соседкой по комнате, девушкой из Нью-Йорка по имени Беатрис Сент-Джеймс, которая только и пишет о том, на концерты каких групп ей удалось попасть этим летом. Клэр подозревает, что вся их комната будет обклеена постерами.

Будет ли ошибкой оставить зимнее пальто дома, до приезда на День благодарения? Будет ли настолько невыносимо делить ванную комнату с двадцатью другими студентками? Одеваются ли девушки с Восточного побережья иначе, чем девушки из Чикаго? Сможет ли она выделяться в толпе или смешается с ней? Выплывет или потонет? Будет тосковать по дому или ощутит независимость? Будет она счастлива или будет страдать?

Но самое главное – сможет ли она пережить все это, не вися на телефоне с Эйденом?

Клэр, сокрушенно вздохнув, отступает от деревянных дверей школы.

– Да уж, – признается она, – хорошенькое начало.

Эйден пожимает плечами:

– Ну и что? Тебе не кажется, что и этого вполне достаточ-

но?

– Достаточно, но не вполне.

– *Еще бы!* – Эйден закатывает глаза, но все равно идет следом за Клэр, которая устремляется вдоль здания, мимо парковки для учителей и зрительного зала, к концу восточного крыла, чтобы выйти на задний двор. Проходя мимо какой-нибудь двери, они проверяют, открыта ли она, но все надежно заперты.

Оказавшись за школой, они встают у окна класса мистера Коди на первом этаже и, приложив ладони к стеклу, заглядывают внутрь. В комнате темно и тихо, доска начисто вытерта, на темных столах лежит слой пыли, камни и другие образцы аккуратно разложены по коробкам вдоль противоположной стены.

– Как будто что-то поменялось, – говорит Эйден. – Тебе не кажется?

Клэр кивает:

– Как будто класс стал меньше, что ли.

– Наверное, потому что теперь мы – крутые студенты колледжа, – усмехается Эйден, и они отступают от окна. Он кладет руку ей на плечо. – Жаль, что мы так и не смогли попасть внутрь.

Клэр молчит. Вместо ответа она поднимает глаза на огромное окно, проводит пальцами по краю, а потом легонько постукивает по стеклу.

– А что, если... – начинает она, но Эйден не дает ей за-

кончить.

– Ни за что! Даже не произноси это вслух.

– Что, если бы мы смогли залезть внутрь? – не обращая на него внимания, говорит Клэр.

– Ты шутишь?

Она моргает:

– Не совсем.

– По-моему, сейчас не самое лучшее время, чтобы попасть в тюрьму, – говорит Эйден, и его щеки краснеют, как бывает всякий раз, когда он начинает терять терпение. – Сдается мне, в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса такие вещи не приветствуются, а я не хочу в очередной раз заставлять отца разочаровываться во мне. Тем более когда я вот-вот уеду отсюда.

– Да, но...

Эйден поднимает руку, останавливая ее.

– Готов поспорить, в Дартмуте тоже будут не в восторге от этого, – напоминает он ей, а потом показывает на окно. – Мы уже здесь. Понимаю, что в твоём словаре нет слова «почти», но почему это так важно для тебя?

– Потому что... – отвечает Клэр, протягивая ему руку со скомканным списком. – Потому что это наше последнее свидание. И оно должно было стать идеальным. И, если мы не сделаем все правильно...

Лицо Эйдена смягчается.

– Это не метафора. Если мы не сделаем какой-то пункт

из списка, это лишь будет означать, что мы умеем приспособливаться к обстоятельствам. Что мы умеем справляться с непредвиденными ситуациями. И это хорошо, понимаешь?

– Ты прав. – Клэр проглатывает вставший в горле ком. – Я знаю, что ты прав.

И все же ей вдруг становится грустно. Конечно, Эйден не мог подумать иначе. Он ужасно хочет, чтобы они остались вместе. Даже если бы перед ним на тротуаре появилась надпись: «КЛЭР И ЭЙДЕНУ СЕГОДНЯ НАДО ОБЯЗАТЕЛЬНО РАССТАТЬСЯ», выведенная яркими цветными мелками, то ему бы удалось придумать кучу доводов против и постараться повернуть все в лучшую для себя сторону.

Похоже, дело не в судьбоносных знаках, а в людях, готовых использовать любое найденное ими доказательство, чтобы убедить себя в том, что им кажется правдой.

Клэр кажется вполне очевидным, что такое начало свидания не сулит ничего хорошего, и она даже ощущает от этого легкое удовлетворение. Это вроде как подтверждение того, что она права, и теперь даже Вселенная согласна с ней в том, что единственный разумный выход – это порвать с Эйденем.

Но при мысли о том, что ей действительно придется это сделать, на Клэр обрушивается волна горечи. Она приближается к Эйдену, чувствуя себя немного неуверенно.

Эйден по привычке заключает ее в объятия. Раздается звук заведенного мотора, над головами кричат птицы. Голубое небо постепенно становится серым, и Клэр прижимается

щекой к мягкой ткани рубашки Эйдена.

– Кто бы мог подумать, что у тебя есть пунктик все контролировать? – говорит он с улыбкой, отстраняясь от нее. Аккуратно забрав у Клэр лист бумаги, Эйден распрямляет его. – Похоже, и восьмой пункт придется исключить.

– Осенний бал, – кивнув головой, соглашается Клэр. – Наш первый танец.

– Точно! Но в спортзал нам тоже не попасть. Жаль, что мне нельзя быть романтичным, а то бы я потанцевал с тобой прямо здесь.

– Я и так знаю, как ты танцуешь.

– Ты еще не все знаешь. Но не волнуйся. Вечер только начинается. Самое лучшее я всегда приберегаю на потом.

– Буду ждать с нетерпением, – отзывается Клэр и тут же понимает, как сильно ей этого хочется на самом деле.

Что бы ни случилось, у них впереди еще целая ночь.

Может, этого будет достаточно.

Клэр берет Эйдена под руку, и они возвращаются к машине. Поднимается ветерок, и она замечает в нем прохладу – приближается осень. Обычно ей нравится это время года. В последние недели стоит ей заикнуться о колледже, как ей непременно рассказывают об осенней листве Нью-Гэмпшира: ярко-красные, желтые и оранжевые цвета, разбросанные по кампусу и за его пределами. Клэр не сомневается, что когда доберется туда, то тут же влюбится в эту красоту. Но сейчас она не хочет думать о приближении осени. Она хочет

остаться в настоящем как можно дольше.

Они подходят к машине, и Клэр резко останавливается.

– Черт! – Она оглядывается через плечо. – Я должна была взять себе что-то на память.

– И все-таки *это* квест.

– Я просто подумала, что это будет здорово. Ну, знаешь, забирать что-то на память из каждого места, где мы будем останавливаться.

Эйден смотрит на нее, склонив голову набок.

– А это точно не тщательно продуманный план кражи тех драгоценных камней из класса геологии?

– По-моему, ты немного преувеличиваешь их ценность.

Но все равно нет.

– Очень хорошо.

Эйден наклоняется и подбирает с земли обычный камень, серый и округлый. Протерев его подолом клетчатой рубашки, он с серьезным видом протягивает его Клэр.

– Вот, держи.

Клэр ощущает на ладони его вес. Она проводит большим пальцем по гладкой поверхности, вспоминая о том первом дне, когда увидела Эйдена в классе, о том, как осветилось его лицо, когда он посмотрел на камень и увидел фиолетовые кристаллы – словно это было печенье с предсказанием или пасхальное яйцо, самый лучший в мире сюрприз.

Эйден торжественно произносит:

– Властью, данной мне пятерками, полученными по гео-

логии у мистера Коди в одиннадцатом классе, я с радостью официально объявляю этот камешек драгоценным.

Удивительно, но в этот момент для Клэр он таким и является.

Остановка вторая

Пиццерия

19.12

Несколько минут они просто стоят около «Слайсис» и рассматривают незнакомые лица через запотевшие окна.

– Быстро они переехали, а? – говорит Эйден, косясь на столик в углу, за которым раньше всегда сидели его приятели из команды по лакроссу³ и который сейчас был занят десятиклассницами, склонившимися друг к дружке и что-то показывающими на телефонах.

– Как говорится, с глаз долой... – небрежно бросает в ответ Клэр, хотя ей самой это тоже не по душе.

Казалось, что после двух недель прощаний – целых две недели они одного за другим провожали друзей – в городе почти никого не останется. Однако в этом месте все по-прежнему: почти все столики заняты, внутри царят смех, разговоры и шум.

Вот только это уже больше не *их* смех, разговоры и шум.

Эйден поворачивается к Клэр, его голубые глаза блестят.

– Дай угадаю, – потирая руки, говорит он. – Это первое место, где я что-то пролил на тебя?

---

³ Контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой. (Прим. ред.)

Клэр качает головой:

– Нет.

– Первое место, где ты увидела, как я запутался в собственных ногах? Первое место, где ты увидела, как я могу умять четыре куска пиццы за десять минут? Первое место, где я проделал тот трюк из трубочки и салфетки?

– Это первое место, где мы заговорили, – останавливая Эйдена, отвечает Клэр. Она знает, что он мог продолжать весь вечер. – Не то чтобы это был настоящий разговор, но *тогда* ты впервые заговорил со мной в принципе.

– Ах, точно! Теперь вспомнил. Уверен, я сказал, что ты самая красивая девушка на планете, и тут же с ходу предложил встретаться.

– Близко. – Клэр улыбается. – Ты попросил меня передать тебе пармезан.

– Ой. Это один из последних пунктов в моем списке фраз для покорения дамских сердец.

– А со мной сработало.

Эйден открывает дверь в пиццерию.

Внутри ресторана клубится пар и пахнет помидорами и моцареллой. Здесь только два человека средних лет – ссутулившаяся над пиццей пара за столиком в углу, обеспокоенно взирающая на царящий вокруг хаос. В остальном же почти все моложе восемнадцати. Так было всегда – это не столько ресторан, сколько место для обеда за пределами школы, место встречи после уроков, место гулянок старшеклассников

на выходных. Потрескавшиеся кожаные диванчики и простые коричневые столы, вдоль одной из стен – ряд старых игровых автоматов, на другой висит правило в железной рамке, согласно которому пиццу здесь подают только ломтиками, – эта пиццерия всегда была заполнена молодежью.

Эйден резко останавливается в дверном проеме, и Клэр видит, что столик, за которым они обычно сидят, занят несколькими учениками младших классов из команды по лакроссу. Заметив Эйдена, они начинают подниматься со своих мест, но он рукой машет им – мол, садитесь обратно.

– Простите, – говорит один из парней. Он совсем как Эйден несколько лет назад. Такой же круглолицый, широкоплечий и добродушно-веселый. Но вся его уверенность пропадает при виде бывшего капитана команды. С благоговением в голосе парень продолжает извиняться: – Мы думали, ты уже уехал.

– Почти, – отвечает Эйден, похлопывая его по спине. – Завтра выдвигаюсь.

– Тренировки уже начинаются?

Эйден кивает:

– Предсезонный период.

– Что ж, удачи, мужик! – говорит парень, и остальные присоединяются к пожеланиям. – Надеюсь, увидимся на День благодарения.

Эйден и Клэр отходят от столика, и когда он берет ее за руку, она слегка сжимает его ладонь в ответ. Клэр замечает

в темном оконном стекле их отражение, и от нее не ускользает, какими потерянными они оба выглядят – словно зашли в привычную комнату и вдруг обнаружили, что всю мебель переставили. Вдруг у кассы слышится хорошо знакомый голос. Они поворачиваются на него и видят Скотти, который прислонился к прилавку, чтобы выудить из кармана мелочь.

Эйден встает рядом с ним и кладет на столешницу пятидолларовую банкноту.

– Я угощаю, – говорит он и протягивает руку, чтобы ударить по плечу друга, но Скотти удается ускользнуть и шлепнуть Эйдена по уху. Клэр отступает назад, потому что эти двое, как обычно, начинают шутливо мутузить друг друга, словно боксеры. Но вот они замечают Оскара – молчаливого верзилу-кассира, который стоит за прилавком, кажется, уже целую вечность, и сейчас наблюдает за ними без всякого энтузиазма.

– Сколько? – подняв одну бровь, спрашивает он.

Эйден, откашлявшись, распрямляется.

– Пять. Пожалуйста.

Оскар, не сказав больше ни слова, отходит к печи, а Скотти еще раз бьет Эйдена по руке.

– Спасибо, чувак.

– Надо бы мне организовать благотворительный фонд, чтобы ты мог есть пиццу и не умереть с голоду без меня, – отвечает Эйден.

– Как-нибудь справлюсь, – говорит ему Скотти, поправ-

ляя очки в толстой оправе. Его темные глаза смотрят то на Эйдена, то на Клэр. – Ну что, вот и все?

Эйден кивает:

– Последний вечер.

– Но ведь еще есть немного времени, – говорит Скотти.

Клэр одобряюще кивает ему:

– Совсем немного есть.

– Э-э-э... как вы двое, все нормально? – спрашивает Скотти. Таким образом он интересуется, что они решили по поводу своих отношений.

– У нас все хорошо, – обменявшись взглядами с Эйденем, отвечает Клэр.

– У кого все хорошо? – раздается голос появившейся рядом Стеллы.

Она одета во все черное: ботинки, джинсы, футболка и даже серьги – две похожие на перышки штуковины выглядывают из-под иссиня-черных волос. У нее всегда такой вид, словно она собирается на кражу со взломом, и рядом с ней Клэр невольно чувствует себя слишком заметной, хотя на ней одежда довольно обычных цветов – голубой сарафан и зеленый кардиган.

– Где ты была? – спрашивает Клэр. – Я думала, ты заскочишь ко мне после обеда.

– Ой! – Стелла слегка улыбается. – Да, прости. Я была кое-чем занята.

– Чем?

Но Стелла уже смотрит на Скотти, который сыпет орегано прямо себе в рот. Большая часть приправы падает прямо на футболку с логотипом Бэтмена, он кашляет и бьет себя по груди, а на его глазах наворачиваются слезы.

– Словно наблюдаешь за младенцем, который пытается пробовать разные продукты, – качая головой, говорит Стелла.

Скотти бросает на нее сердитый взгляд, стряхивая приправу с футболки, а Стелла, как всегда, так же сердито смотрит на него в ответ. Она немного выше его из-за головокружительно высоких каблуков, которые так любит носить, и Скотти лишь пожимает плечами и возвращается к орегано.

Обычно то, что эти двое никак не могут поладить, не было проблемой. Но сейчас, когда почти все друзья разъехались по колледжам, их компания сократилась до такой вот нелепой четверки: Скотти и Стелла, которые уже поругались из-за какой-то мелочи, и Эйден и Клэр, которые никак не могут прийти к согласию по очень многим вещам.

Клэр поворачивается к Стелле:

– Ты же понимаешь, что завтра утром я уже уезжаю?

– А, ну да, – помедлив секунду, отвечает Стелла. – А я на следующий день после тебя.

– Тогда где ты была?

Стелла хмурится:

– В смысле?

– Где ты пропадала последние несколько дней? – снова

спрашивает Клэр, не обращая внимания на Эйдена и Скотти, которые переводят взгляды с одной подруги на другую, как будто наблюдают за игрой в теннис. Сейчас ей нет до них никакого дела. Ей лишь хочется, чтобы Стелла объяснилась. Она ведь уезжает в колледж – а это не какой-то пустяк! – и сейчас ей очень нужна лучшая подруга.

Это же вроде как должностные обязанности друзей, негласный договор. Если Клэр нужна была Стелле, чтобы помочь с письмами для колледжей, или чтобы составить компанию в бесконечных мотаниях по комиссионным магазинам, или чтобы слушать ее жалобы о том, как мало интересных парней в школе и как ее достали три младших брата, – она всегда рядом, и, в свою очередь, Стелла должна быть рядом, когда в ней нуждается Клэр. Даже если подруга выносит ей мозг.

– Знаешь, – сказала этим летом Стелла, когда Клэр в очередной раз начала размышлять, что же ей делать с Эйденом, – ведь рано или поздно ты все равно расстанешься с ним.

Они ехали на машине в кино, и Клэр отвернулась от дороги, чтобы удивленно взглянуть на подругу.

– С чего ты это взяла?

– С того, – сказала Стелла, поднимая ногу на приборную доску, – что это правда. Если это не произойдет в конце лета, то случится через несколько недель, или на День благодарения, или на Рождество, или следующим летом. От этого

никуда не деться.

– Откуда тебе знать?

– Я знаю, – раздражающе уверенным тоном ответила Стелла. – А пока тебе придется весь первый курс сидеть и смотреть, как твоя дурацкая соседка по комнате...

– Беатрис, – сердито поправила подругу Клэр.

Как только она получила контакты своей соседки по комнате, Стелла, которой повезло получить одноместную комнату, тут же решила, что та ей не нравится. А когда Клэр и Беатрис начали переписываться, стало еще хуже. Стелла тщательно изучала каждое сообщение, выскакивающее на экране телефона Клэр, и закатывала глаза на поток названий музыкальных групп и дат туров, которые Беатрис постоянно упоминала.

– Ладно, ты будешь сидеть и смотреть, как твоя *дурацкая соседка по комнате, Беатрис*, собирается на очередной *идиотский* концерт, которые так обожает, – ведь тебе придется сидеть в общежитии, во фланелевой пижаме с книгой, потому что какое же веселье без Эйдена, который, кстати, будет в тот момент в Калифорнии, и *его* дурацкий сосед по комнате...

– Роб.

– ...И его дурацкий сосед по комнате, Роб-серфингист...

– Роб-пловец.

– Да какая разница! – теряя терпение, воскликнула Стелла. – Роб-пловец, которого интересуется лишь, не против ли

Эйден, если в их комнате будет стоять мини-холодильник. И я уверена, его заботит *совсем не* свежесть овощей. И знаешь, он точно будет тащить его на свидания. А если и нет, Эйден все равно будет встречать других девчонок. Поверь мне. Это же колледж!

– Эйдена волнует только учеба.

– Это на втором месте, – уверенно парировала Стелла. – Сама подумай: неужели тебе и правда хочется провести следующие четыре года с чувством вины из-за того, что однажды ты пошла со своей соседкой в клуб и запала на ударника с классной прической и умопомрачительными глазами?

Клэр рассмеялась:

– Я когда-нибудь западала на ударников?

– Ну, нет, – согласилась Стелла, покосившись на подружку. – Но не потому ли, что ты просто не позволяешь себе подумать о других возможностях?

– Ты хочешь сказать, подумать о ком-то, кроме Эйдена.

– Я хочу сказать, о ком-то не из старшей школы.

Но то было в середине лета, когда Стелла еще была честной. Когда у нее было время, чтобы выслушать. Потом у нее появились другие дела, и хотя они обе еще здесь – по крайней мере, на протяжении этой одной ночи, – у Клэр такое чувство, будто лучшая подруга уже уехала.

Может, конечно, Стелла просто хотела дать время Клэр и Эйдену, чтобы они смогли во всем разобраться, или, может, она была занята подготовкой к собственному отъезду. А

может, просто все заканчивается, и легче притворяться, что это совсем не так. У Стеллы всегда были с этим проблемы, она чужда сентиментальности и не любит показывать эмоции, так что заставить ее признать факт такого важного поворота в их жизни – это все равно что пытаться обнять свое-нравную кошку.

И все же после четырнадцати лет дружбы Клэр не может позволить ей улизнуть в колледж, не попрощавшись по-человечески.

И вот Стелла стоит, прислонившись к прилавку, и бездумно перебирает салфетки в салфетнице, избегая вопроса Клэр. Но потом все-таки пожимает плечами:

– Да так. То там, то тут.

– Ясно, – качая головой, говорит Клэр. – И ты не перезванивала мне, приходила домой поздно...

– Может, она не умеет определять время, – шутит Скотти.

– ...не отвечала на мои сообщения...

– Может, она не умеет печатать, – вставляет он снова.

– Заткнись, Скотти! – одновременно говорят Стелла и Клэр и, встретившись взглядами, начинают смеяться.

– Прости, – через пару минут отвечает Стелла. – Просто сейчас так много всего нужно сделать. Но сегодня мы все наверстаем. Правда.

– Ты обещаешь? – спрашивает Клэр, и Стелла широко улыбается.

– Обещаю и клянусь, – отвечает подруга и вытягивает ми-

зинцы, как они делали, когда были детьми. Клэр нехотя улыбается и цепляется своими мизинцами за пальцы Стеллы.

– Ладно.

Оскар стучит кулаком по прилавку. Друзья оборачиваются и видят, что их заказ готов. Эйден берет поднос, и они идут к свободному столику у окна.

Скотти, усевшись, тут же хватается кусок пиццы и откусывает чуть ли не половину. От сыра еще идет пар, и он, поморщившись, бросает кусок на тарелку.

– Как горячо!

Стелла закатывает глаза:

– Ну и тупица!

– Слово дня? – спрашивает Клэр.

С тех пор как Стелла сдала выпускные экзамены, она словно помешалась на непопулярных словах и каждый день выбирала новое, чтобы вставить его в разговор.

Но подруга качает головой:

– Нет, он такой и есть. Сегодняшнее слово – «ошарашенный», но вряд ли мне доведется использовать его, потому что у нас здесь *нечему* ошарашить. – Она с ухмылкой смотрит на Скотти. – Кроме, может, того, какой он тупица.

– Именно эти словечки помогли тебе поступить в Университет штата Флорида? – спрашивает Скотти, отламывая корочку пиццы в ожидании, когда остынет сыр.

Стелла, которая все еще переживает, что ее приняли только в этот университет, бросает на него испепеляющий

взгляд.

– Говорит парень, который будет учиться в муниципальном колледже, – огрызается она.

И тут все разом затихают. Эйден опускает на тарелку кусок пиццы, от которого только что собирался откусить, и Стелла, осознав, как далеко зашла, бледнеет.

Вот уже несколько месяцев, как эта тема была под запретом. Все лето они обходили ее стороной, и сейчас, накануне отъезда, говорить об этом было совсем неправильно.

Потому что из их компании только Скотти никуда завтра не уезжал.

Что говорить, им всем приходили отказы из колледжей. Да, сейчас Стелла уже мечтает о теплом солнышке Флориды, но на самом деле ей хотелось учиться ближе к дому, в Университете штата Иллинойс. Эйден не попал в Гарвард, и ему не помогло даже то, что он сын выпускника. И даже Клэр, которая была уверена в успехе, в итоге приняли только в четыре колледжа из двенадцати.

Скотти же получил отказ везде. Хотя чему удивляться, если единственное, в чем он преуспел в старшей школе, – это изобретение все более креативных путей прогуливать уроки. Но ведь они с Эйденем мечтали, как вместе завоюют Калифорнию! Так что Скотти несколько недель не решался рассказать друзьям, а когда все-таки сделал это, они сразу поняли, как ему обидно. Конечно же, он отшучивается – как всегда это делает, – но Клэр догадывается, что тяжелее всего

не уезжать, а остаться одному.

И вот Скотти сидит с непроницаемым лицом, кончики ушей розовеют, а его тонкая фигура, согнувшаяся над столом, кажется еще более щуплой, чем обычно. И если в любое другое время его широкая душа заставляет людей не обращать внимания на телосложение, то сейчас создается ощущение, словно из него выкачали весь воздух.

Стелла с необычайной искренностью в глазах кладет руку ему на плечо и говорит:

– Прости. Ты же знаешь, я не хотела...

– Забудь, – отмахивается он. – Все нормально.

Клэр вдруг вспоминает, как Эйден, когда они только начали встречаться, предложил свести Скотти и Стеллу. Он тогда был новеньким и все еще не имел понятия о хитросплетениях отношений в одиннадцатом классе и не знал, что эти двое почти беспрерывно спорят еще со времен детского сада.

– Но ведь Скотти такой веселый! – сказал тогда Эйден, и это была чистая правда.

Большинство новых друзей Эйдена были из команды по лакроссу, а со Скотти он познакомился на занятиях по творчеству – они были на них единственными парнями. Их первым заданием было сделать рисунок углем, изобразив на нем предмет, который имеет для них очень большое значение. Все девчонки нарисовали медальоны в форме сердца, старые часы и изысканно украшенные дневники. Эйден изобразил клюшку для игры в лакросс. А вот Скотти выбрал Мистера

Картофельную голову⁴ в стиле Пикассо, и когда Эйден похвалил его рисунок без тени иронии, они тут же стали друзьями.

– Да, но он точно не для Стеллы, – ответила Эйдену Клэр. – Поверь мне. Я уже давно знаю обоих. Они как масло и вода.

Но это не совсем так. Проблема не в том, что они *совершенно не* подходят друг другу, а в том, что, наоборот, они подходят друг другу слишком хорошо. Они оба слишком громкие и веселые, бесстрашные и преданные и притягивают к себе словно магниты. Просто большую часть времени они только и делают, что грызутся друг с другом.

– Правда, – говорит Стелла, возвращая мысли Клэр в настоящее. Рука подруги лежит на плече Скотти, а по ее лицу видно, что ей искренне жаль. – Это не...

– Все нормально, – повторяет Скотти, наконец подняв на нее глаза. – Это ведь то, что происходит, верно? Вы, ребята, уезжаете, а я остаюсь здесь. И то, что мы игнорируем эту тему, ничего не изменит.

Клэр подается чуть вперед.

– Да, но...

– Нет, серьезно, я не в обиде, – говорит Скотти, и на его лице появляется улыбка. – По крайней мере, мне не придется больше делиться с вами своей пиццей.

– *Твоей* пиццей? – переспрашивает Эйден, подняв бровь.

---

⁴ Персонаж серии мультфильмов «История игрушек». (Прим. ред.)

– Ну да, – отвечает Скотти, кивнув, и выглядит он при этом уже более веселым. – Вам придется есть второсортную пищу в совершенно незнакомых и непроверенных местах, а я буду здесь... и все это будет моим.

Стелла смеется, и как кажется Клэр, больше от облегчения – она рада, что не испортила им весь вечер, пусть и ненамеренно. Скотти, покосившись на нее, поворачивается к Эйдену.

– А знаешь, что самое классное? – спрашивает он, и его улыбка становится еще шире. – Когда ты наконец свалишь, я смогу спокойно пригласить кое-кого на свидание. Может, она даже поможет мне съесть всю пищу...

Эйден не сразу понимает, о ком речь, но, осознав, хмурится.

– Чувак, – говорит он, качая головой. – Я в последний раз предупреждаю тебя – даже *близко* не подходи к моей сестре!

И только Скотти считает это очень смешной шуткой. Для Эйдена же эта тема до сих пор как соль на рану. Любого напоминания о прошлогоднем весеннем бале, когда они с Клэр решили сбежать пораньше и наткнулись в темном коридоре на его лучшего друга, целовавшего его младшую сестру, достаточно, чтобы у него на виске начала колотиться жилка.

Эйден всегда стремится защитить Райли. Даже когда позже всплыла вся история – что его сестру бросил парень, с которым она пришла на бал, что Скотти проявил любезность и составил ей компанию, а потом одно повлекло за собой дру-

гое, – он по-прежнему был в ярости. После этого Эйден и Скотти не разговаривали несколько недель, хоть Клэр и пыталась наладить отношения между ними. И хотя их дружба в конце концов взяла верх – чему немало поспособствовали признание Райли в том, что это именно она захотела поцелуя, и клятвенные обещания Скотти, что этого больше никогда не повторится, – Эйден все еще воспринимает эту тему весьма болезненно.

Большинство нормальных людей старались бы обходить такие вещи в разговорах. Но не Скотти, который время от времени напоминает о том событии, видимо надеясь, что со временем это станет просто забавной ситуацией. Этого пока никак не происходит.

– Слишком рано, – говорит Клэр, бросая в него скомканной в шарик салфеткой.

Стелла же смотрит на него через стол взглядом, в котором явственно читается: «Перестань вести себя как идиот!»

Улыбка Скотти гаснет, и он пожимает плечами.

– Ладно, ладно, – поднимая руки вверх, говорит он Эйдену. – Я просто пошутил. Клянусь, твоя сестра под запретом.

– И у тебя все равно не было бы шансов, – ворчит Эйден, скрещивая руки на груди.

– Эй! – восклицает Скотти и поднимает на друга глаза после неудачной попытки сдуть обертку с соломинки. – Я настоящее сокровище!

Стелла тут же начинает так смеяться, что в итоге заходит-

ся кашлем. Она несколько раз стучит по груди, а лицо Скотти снова мрачнеет.

– Что? – с вызовом спрашивает он у Стеллы. – Ты считаешь меня придурком, который даже не смог поступить в настоящий колледж?

– Нет, – твердо отвечает подруга. – Я считаю тебя придурком, у которого язык как помело и чрезмерная самоуверенность.

Эти двое снова начинают препираться, и Клэр переводит взгляд на Эйдена, который обычно выступает судьей в их спорах. Но сейчас он просто наблюдает за друзьями с непроницаемым выражением лица, чуть склонив голову набок. Клэр ловит его взгляд, и он слабо улыбается ей, но заметно, что какая-то его часть тайно наслаждается перепалкой. Это то, чего он ждал от сегодняшнего вечера – чего-то *обычного*. Чего-то легкомысленного, дурацкого и бестолкового. Чего-то, что не будет казаться концом.

– У меня гениальная идея! – объявляет Клэр, и Скотти со Стеллой поворачиваются к ней с таким видом, словно забыли, что кроме них здесь еще кто-то есть. – Давайте поиграем в молчанку.

– Я сдаюсь, – пожимая плечами, говорит Скотти.

– Еще бы! – подначивает его Стелла, и они вновь погружаются в водоворот взаимных колкостей и споров.

Клэр откидывается на спинку стула и обводит взглядом маленький ресторанчик, освещенный теплым желтым све-

том. Невозможно сосчитать, сколько вечеров начиналось или заканчивалось здесь, сколько из них проходили по одному и тому же сценарию. Она позволяет себе окунуться в воспоминания: писк игровых автоматов, немелодичное пение девчонок за столиком в углу, запах чеснока и сыра, красный (настолько яркий, что режет глаза) отблеск флуоресцентной вывески в темном стекле окна.

Когда она поворачивается к Эйдену, он улыбается ей.

– Привет, – говорит он и наклоняется, чтобы нежно толкнуть ее плечо своим.

– Привет, – тихо отвечает Клэр, и ее голос почти тонет в шуме зала, в шуме, который больше уже не будет принадлежать им. Но Эйден все равно слышит ее.

– Ты можешь передать пармезан?

Она берет сыр и протягивает ему с легкой улыбкой. Но позже, когда никто не видит, когда пицца съедена и никто не помнит про шейкер с сыром, Клэр просто не в силах сдержаться – она снова берет его и прячет в свою сумочку.

Остановка третья

Пляж

19.54

Компания выходит на улицу. Небо уже стало темно-розовым, превратив деревья, фонарные столбы и двускатную крышу железнодорожного вокзала в таинственные силуэты. Все вместе друзья идут к машине Эйдена, припаркованной на углу улицы, и, остановившись у капота, как было тысячи раз до этого, решают, куда поехать и чем заняться дальше.

Только вот раньше их всегда было больше и они громко спорили. Но за последние пару недель все остальные друзья разъехались в разные концы страны, и теперь их маленький пригород Чикаго был словно центр колеса, от которого в разные стороны расходились спицы. Кэролайн уехала в Техас, Уилл – в Огайо, Элизабет – в Северную Каролину. Джорджия еще сто лет назад отправилась в специальный поход для первокурсников к северу от Нью-Йорка, а близнецы Люсия и Матео поехали на машине в Стэнфорд, чтобы успеть посмотреть по дороге достопримечательности. А на этой неделе, когда начался учебный год в Университете штата Иллинойс, они потеряли и остальных – их друзья разом переселились южнее.

– Странно как-то, да? – спрашивает Клэр, засовывая руки

в карманы.

Стелла кивает, неподвижно глядя на асфальт.

– «И стало их четыре...»⁵ – цитирует она, и все погружаются в молчание.

Сумерки еще не сменила ночная темнота, но вдруг вспыхивают фонари, отбрасывая на тротуар длинные тени.

Скотти наконец решает заговорить:

– Ну так что, каков план?

– Ничего интересного, – говорит Стелла, вытаскивая из сумочки телефон и пролистывая сообщения. – Почти все уже уехали. Но, похоже, Энди Кимбалл собирает у себя народ чуть позже вечером. А Майк Пачтлер и еще кое-кто из парней собираются в боулинг. Говорят, если мы хотим, можем пересечься с ними.

– А на худой конец, мы всегда можем потусоваться у меня на заднем дворе, – говорит Скотти. – Так, ради смены обстановки.

– У тебя есть задний двор? – в притворном удивлении спрашивает Клэр. Ведь этим летом они почти каждый вечер проводили там, поедая под звездным небом испеченное его мамой печенье.

– Если честно, – говорит Эйден, хлопнув по капоту, чтобы все посмотрели на него, – мне кажется, будет лучше, если каждый из нас пойдет куда захочет.

Скотти, помрачнев, смотрит на лучшего друга:

---

⁵ Строчка из считалочки про десять негритят в переводе С. Я. Маршака.

– Так что... все?

– Вот-вот, а как же «провести время с друзьями»? – нахмурившись, спрашивает Стелла у Клэр. – Или ты собираешься в нашу последнюю ночь оставить меня одну с этим клоуном?

– Нет, – быстро отвечает Клэр, заглушая протесты Скотти. – Мы ненадолго. Просто нам еще надо... немного поговорить. Но мы обязательно еще встретимся сегодня с вами, ребята.

– Точно, – поддакивает Эйден. – Только заедем в пару мест.

Стелла смеется:

– Дай угадаю! Клэр составила список!

– Клэр составила список, – соглашается с улыбкой Эйден.

– За и против?

– Нет, скорее это план сегодняшнего вечера.

– Эй! – хмурясь, восклицает Клэр. – А как еще нам все выяснить?

Скотти закатывает глаза:

– Ну да, вы ведь не знали, что поедете учиться в колледж.

Это произошло так внезапно!

– Дело не в этом, – говорит Клэр и смотрит на Эйдена. Они встречаются взглядами, и он тут же улыбается. Эту улыбку она любит больше всего – это как рефлекс, автоматическая реакция, от которой не удержаться и которая происходит лишь тогда, когда он смотрит на нее.

– А в том, что мы никак не можем прийти к согласию, – подхватывает Эйден и протягивает запястье, показывая им наручные часы. – И мне осталось... э-э-э... десять часов, чтобы убедить ее. Нельзя терять ни минуты!

– Созвонимся позже, – забираясь в машину, говорит Клэр, а когда Стелла скептически смотрит на нее, добавляет: – Даю клятву на мизинцах!

– Знаешь, кто наверняка не примет клятву на мизинцах? – спрашивает Стелла, упираясь локтями в открытое окно машины. – Беатрис Сент-Джеймс.

Клэр не может удержаться от смеха.

– Мне так повезло – ведь у меня есть *ты*!

– Еще как повезло, – соглашается подруга. Вдруг ее лицо становится необычайно серьезным. Быстро обернувшись, она наклоняется ближе к Клэр и шепотом произносит: – Эй, удачи! И слушай...

Клэр ждет, склонив голову набок.

– Я наверняка говорила, что вам лучше не пытаться остаться вместе, что это безумие...

– Да, обмолвилась об этом пару раз.

– Но... – Стелла замолкает и облизывает губы. – Но... я не знаю.

Клэр удивленно смотрит на подругу. Фраза «*Я не знаю*» совсем не ассоциируется у нее со Стеллой, от которой обычно слышишь что-то в духе: «*Я же тебе говорила!*», «*Поверь мне*» или «*План такой*».

– В смысле то, что есть у вас, – это... очень круто. – Стелла снова оборачивается через плечо, чтобы посмотреть на Эйдена и Скотти, которые о чем-то разговаривают в нескольких шагах от машины. – Так что я не знаю. Думаю... Наверное, я просто пытаюсь сейчас сказать, что понятия не имею, как тебе лучше поступить.

– Ты очень помогла, – говорит Клэр, похлопывая ее по руке. – Спасибо за поддержку.

Стелла смеется:

– Прости.

– Все нормально. Даже здорово. Мне очень не хватало тебя, чтобы поговорить об этом. Все это так трудно...

За спиной Клэр распахивается дверца, и Эйден садится на место водителя, выжидающе смотрит на подруг и улыбается.

– Готова? – спрашивает он, и Клэр испуганно кивает.

– Увидимся позже, – говорит Стелла, стукнув ладонью по дверце машины, и отступает к Скотти, который поднимает руку.

– Да-да! – весело говорит он. – И надеюсь, к тому времени вы еще будете разговаривать друг с другом.

Клэр машет в ответ, но от этих слов ей вдруг становится слегка не по себе. Она понимает, что он прав. Возможно, что, когда они увидятся в следующий раз, Клэр и Эйден уже расстанутся и все будет совсем по-другому.

– Ты готова? – снова спрашивает Эйден и поворачивает ключ в замке зажигания.

Клэр смотрит через пыльное ветровое стекло, как Стелла и Скотти вместе уходят, и кивает:

– Готова.

Пока они едут, фары прорезают синеватые сумерки, освещая городскую площадь, вокзал, библиотеку и парк со статуей оленя, равнодушного к покрывающему его слою голубых граффити.

Эйден держится одной рукой за руль, другой крутит ручку радио. Ему не нужно спрашивать причину следующей остановки. Они бывали там вместе так много раз, что поездка туда кажется почти рефлексом, их словно тянет в сторону пляжа.

Клэр играет с кромкой ремня безопасности, где материал слегка износился, и наматывает свисающую нить вокруг пальца. Ей никак не удается перестать думать о том, что сказал Скотти. В течение многих лет она планировала каждую часть своей жизни – вступительные заявления и сочинения, внеклассные занятия и спорт, волонтерство и домашние задания – с единственной целью: поступить в колледж. И только к одному ей не удалось подготовиться – это расставание с *Эйденом*, который, похоже, для нее гораздо важнее, чем все остальное.

Они много месяцев знали, что им придется пойти разными дорогами. И неважно, что они решат с будущим – останутся вместе или разорвут отношения, – это не изменится. Завтра утром, в половине седьмого, Клэр с родителями от-

правится в долгий путь до Нью-Гэмпшира, а несколько часов спустя Эйден полетит в Калифорнию.

Это случится так скоро... Клэр понимает, что сильно недооценила дистанцию. Очень долго этот момент словно маячил где-то на горизонте, так далеко, что не казался до конца реальным. Но лишь до этой самой секунды, когда он вдруг обрушился на них, да так быстро, и ему было неважно, готова ли к нему Клэр. Для подготовки больше нет времени. Остается лишь собраться с духом и надеяться на лучшее.

Клэр откидывается на спинку сиденья, свесив голову набок.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты отвез меня, – говорит она, и Эйден бросает на нее быстрый взгляд.

Эйден остановился на радиостанции с музыкой блюграсс⁶, и в тишине салона переливаются звуки гитары.

– Разве я не это сейчас делаю?

– Я имела в виду завтра. Тогда у нас было бы больше времени...

– Мне бы очень хотелось отвезти тебя, но думаю, тогда твои родители сильно огорчатся. – Он улыбается, но в его взгляде сквозит напряжение. – Я слышал, этот колледж – очень важное событие.

Клэр кладет руку ему на плечо:

– Наверняка твои родители тоже отвезли бы тебя, если бы

---

⁶ Блюграсс (от англ. bluegrass – «мятлик») – жанр американской музыки кантри, происходящий из штата Кентукки, который называют «штатом мятлика».

ты их попросил, – говорит она, хотя не совсем уверена, что это правда.

Родители Эйдена очень расстроились из-за того, что он не поступил в Гарвард, особенно отец. Он был первым в семье, кто поступил в колледж, а для бедного ребенка из южного Бостона получение полной стипендии в Гарварде сродни полету на Луну. Он постоянно говорит об этом с таким почтением, с которым говорят о церкви. Для него это волшебное место, открывающее все возможности, и его заветным желанием было, чтобы сын пошел по его стопам.

Эйден же испытал облегчение, когда получил отказ из Гарварда. Ему не хотелось туда поступать, он не мечтал о похожих на монастырские кельи зданиях, вызывающих благоговение залах и заснеженных дорожках. Гарвард – это история, это слишком большие ожидания. Ему же всегда хотелось учиться там, где полно солнечного света, постоянно закатывают вечеринки и собирают полные стадионы восторженных зрителей. Там, где царят жизнь и энергия, чтобы он смог создать собственные воспоминания.

Прошлой осенью он ездил в Гарвард на собеседование для будущих абитуриентов, где встретился с тренером команды по лакроссу и прогулялся по кампусу. Эта поездка настроила его против поступления еще больше.

– Видела бы ты моего отца, – рассказывал он Клэр, приехав домой. – У него с лица не сходила дурацкая улыбка. А когда мы пошли посмотреть на тренировку... Вообще дур-

дом какой-то! Он за всю жизнь ни разу не спросил меня про лакросс, зато там, когда общался с тренером, изображал из себя яростного фаната.

– Ясно. Но что *ты*? – спросила тогда Клэр.

Эйден пожал плечами:

– Это не мое.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Вот откуда ты знаешь, что хочешь учиться в маленьком колледже свободных искусств?

Клэр покачала головой:

– Просто знаю.

– Вот именно.

Он был прав, она понимала это. Только интуиция может подсказать, как выбрать тот случайный уголок мира, где ты с головой окунешься в по-настоящему новую жизнь. Клэр почему-то знала, что ей следует остаться на Восточном побережье, Эйден же всегда хотел отправиться на запад – это было бессознательное и нерациональное желание.

Однако его отец и слышать не хотел об этом, так что когда Эйден не поступил в Гарвард, он не мог скрыть разочарования. Ему всегда казалось, что его сын будет рад учиться там. Хотя ему следовало бы беспокоиться о том, рад ли будет Гарвард принять Эйдена.

Не совсем понятны причины отказа: оценки Эйдена были не блестящими, но вполне хорошими, учитывая, что он не прикладывал особых усилий. К тому же он был сыном вы-

пускника да еще и пользующимся большим спросом игроком в лакросс.

И все же в Гарвард Эйден не попал.

Что его вполне устраивало.

Но он не сомневается, что если бы завтра уезжал в Кембридж, то его родители поехали бы вместе с ним, радостные и окрыленные. Однако он едет в колледж *своей* мечты, и едет один.

Эйден пожимает плечами, и рука Клэр соскальзывает вниз.

– Ты же знаешь, для них всегда был либо Гарвард, либо ничего.

– Но может быть, лучше все же попрощаться в аэропорту? – слишком жизнерадостно спрашивает Клэр. – Вряд ли ты будешь выглядеть таким крутым, если на первую же тренировку придешь в сопровождении родителей.

– Да ладно! – отзывается Эйден, чуть ослабив хватку на руле и ухмыльнувшись ей. – Я буду выглядеть крутым даже с *плюшевым мишкой* в руках.

Клэр не может удержаться от смеха. У Эйдена сейчас такой серьезный вид – в темноте выделяются большие глаза и совсем не видно веснушек. С этими рыжими волосами, круглым лицом и долговязой фигурой он и сам всегда чем-то напоминал Клэр плюшевого мишку. Из-за этого ей всегда удивительно было наблюдать за ним на поле, где он уворачивался или применял силовой прием, разворачивался или атако-

вал, быстро бежал, чтобы одолеть соперников и забить гол. Приятно наблюдать за ним таким – сильным, проворным и удивительно быстрым. Но она всегда чувствовала некоторое облегчение, когда в конце матча он снимал шлем и снова был просто Эйдемом, раскрасневшимся, потным и счастливым от того, что смотрит на нее.

– Ты будешь крутым даже с *двумя* плюшевыми мишками, – уверенно говорит Клэр, похлопав Эйдена по плечу.

Чем ближе они подъезжают к озеру, тем внушительнее становятся особняки на огромных лужайках. Это совсем не похоже на их район, где участки размером с почтовые марки, а дома стоят стена к стене, так что кажется, будто эти виллы откуда-то из другой вселенной.

Клэр уже слышит шум волн с пляжа через опущенное окно машины. Эйден поворачивает на извилистую дорогу, ведущую к озеру. Они съезжают вниз, где нет ничего, кроме воды, песка и узкой полосы стоянки с несколькими машинами.

Припарковавшись, Клэр и Эйден идут по вымощенной камнями дорожке, мимо шатра с грилями и столиками для пикника и детской площадки, на которой в сгустившихся сумерках стоит тишина. Они направляются туда, где простирается широкой полосой грубоватый песок. Небо рассекают оранжевые прожилки, яркие на фиолетовом фоне, в воде золотятся последние лучи заходящего солнца. У Клэр перехватывает дыхание.

– Я буду скучать по этому, – говорит она, снимая сандалии. Эйден стягивает кроссовки, и они выходят к дуге пляжа. Они сходят с дорожки, и их голые ноги утопают в песке.

– Думаю, я буду довольно близко к воде, – говорит Эйден, когда они направляются к груде валунов, которые выступают из волн, монотонно накатывающих из озера на берег.

– *Думаешь?* – глядя на него во все глаза, переспрашивает Клэр. – Ты что, не смотрел на карту?

Эйден пожимает плечами:

– Мне показалось, будет лучше, если все это окажется сюрпризом.

– *Все?* Ты не прочитал ни одной ознакомительной брошюры?

– Посмотрел пакет по лакроссу, – отвечает Эйден, и пока Клэр ничего не успела сказать, бросает на нее суровый взгляд: – Ты прямо как мои родители!

– Так нечестно! – резко остановившись, говорит Клэр.

Эйден обнимает ее рукой за плечи, прижимает к себе, и они снова продолжают путь, тяжело ступая по мягкому песку.

– Прости, – шепчет он, прижимаясь губами к ее уху. – Я просто...

– Знаю, – отвечает она, обнимая его за талию.

Они вместе карабкаются по камням, осторожно ступая по вылизанной волнами скользкой темной поверхности, и, добравшись до любимого места, садятся рядом, свесив ноги.

Далеко в воде мигает огонек высокого желтого метеорологического буйа, который установили здесь пару лет назад для отправки экологических данных в лабораторию где-то в штате Индиана. Из-за широкого основания, тонкого верха и датчиков, напоминающих глаза игрушки, он был похож на тонущего робота. Они с друзьями уже успели полюбить его и даже назвали Расти⁷ после одного оживленного спора о том, как соленая вода влияет на металл.

Беспокойство за благополучие Расти стало одним из их самых любимых времяпрепровождений, а прошлым летом Скотти предложил доплыть до него и надеть на беднягу спасательный жилет или круг. Несколько человек согласились сделать это, но так как буй расположен довольно далеко от берега, никто из них все-таки не решился проплыть до конца, рискуя жизнью из-за шутки. И все же каждый раз, когда они приходили сюда, кто-нибудь рано или поздно вспоминал об этом предложении, и все начинали гадать, кто же все-таки спасет несчастного Расти.

Эйден, прищурившись, смотрит на буй, мигающий белым светом на фоне бледной линии горизонта.

– Придется ему какое-то время пожить без нас.

– Чувствую, он справится.

Эйден поворачивается, чтобы посмотреть на Клэр.

– Пока эта остановка нравится мне больше всего.

– Это потому, что она первая, про которую ты на самом

---

⁷ Ржавый (англ.).

деле что-то помнишь, – говорит Клэр, и он смеется.

– Твоя правда, – придвигаясь ближе, отвечает Эйден. – И мне бы понравилось восстановить события прошлого.

– Первый поцелуй невозможно повторить, – говорит ему Клэр, глядя через плечо туда, где все началось той ночью, ночью костра.

Это не было каким-то особым событием. Просто обычная небольшая вечеринка, на которой друзья и знакомые собрались вокруг костра. Огонь отбрасывал в ночь искры, из-за чего все казалось расплывчатым и приобретало неясные очертания.

Клэр почти сразу потеряла из вида Стеллу и в одиночестве подошла к холодильнику, где тут же замешкалась. Стоял холодный осенний вечер, в котором чувствовалось приближение зимы, и ей не хватало тепла от костра, чтобы согреться. И вот она топталась здесь, пытаясь решить, так ли уж ей нужно выпить холодного, как из темноты выступил Эйден, засунул руку прямо в лед, достал оттуда металлическую банку и с вежливой улыбкой протянул ей.

– Спасибо, – сказала Клэр и взяла банку обтянутыми синими митенками руками. – Если ты решил играть сегодня роль бармена, тебе не помешают перчатки.

Эйден опустил глаза на свои покрасневшие и огрубевшие от холода руки, с которых капала ледяная вода, и она, даже не задумываясь о том, что делает, вдруг зажала его ладонь между своих.

Их глаза встретились, и он улыбнулся:

– Так гораздо лучше. Спасибо.

И потом они начали болтать... О чем? Сейчас Клэр уже даже не может вспомнить. А вскоре они пошли вместе к воде, поддразнивая друг друга сунуть туда хотя бы палец, хотя для этого было слишком холодно.

– Правда круто, что здесь столько песка, но при этом все песчинки такие разные?

Эйден посмотрел на нее, явно забавляясь.

– Наверное, я в тот день не особо обратил на это внимание.

– В какой день?

– Когда у нас был урок геологии. Я иногда могу замечаться.

– Ах, это, – покачав головой, сказала Клэр. – Нет, вообще-то я прочитала об этом в какой-то книге.

Она замолкла и показала пальцем в небо.

– А еще я читала, что звезд больше, чем песчинок во всем мире. Это невероятно, правда?

Эйден удивленно посмотрел на нее, и Клэр закусила губу, немного засмущавшись. За последние несколько недель она так много наблюдала за Эйденем и пришла к выводу, что такой парень, как он, вряд ли всерьез заинтересуется девушкой, которая в свободное время читает научные журналы. Клэр лихорадочно соображала, пытаясь подыскать другую тему для беседы.

Но тут Эйден нагнулся, взял в руки пригоршню песка и стал просеивать его большим пальцем. Клэр видела, как шевелятся его губы – он что-то бормотал себе под нос, внимательно рассматривая песчинки на ладони. Через некоторое время Эйден поднял на нее глаза.

– Это *и правда* чертовски невероятно, – сказал он, и Клэр почувствовала облегчение.

– Действительно, да?

Он сложил ладонь чашечкой и наклонил ее, ссыпая песок обратно на пляж.

– Сколько их здесь? Тысячи, должно быть. И это только в одной пригоршне. На одном пляже. В одном городке. В одном штате. В одной стране. Значит, в небе миллиарды звезд! – Он поднял широко раскрытые глаза к небу, испещренному звездами, а потом рассмеялся: – Это... впечатляет!

– Да, – согласилась Клэр, не в силах удержаться от улыбки. – Ничего себе!

Потом они взобрались на камни, продолжая болтать до поздней ночи. Костер за их спинами потух, все разошлись по машинам. С Эйденем время словно остановилось, но вдруг холодный ветерок принес эхо чьего-то крика – кто-то искал ее. Она развернулась на звук и хотела встать, но тут Эйден наклонился и поцеловал ее. Это было очень неожиданно, и по ее телу прокатилась теплая волна.

И даже много часов спустя – после того, как он проводил ее до машины и она наконец отпустила его руку; после того,

как по дороге домой рассказала обо всем Стелле; после того, как залезла в постель и лежала, глядя в потолок и прокручивая в памяти весь вечер, – это тепло продолжало согревать ее. Какая-то невидимая ее часть, которая до того самого момента была еле теплой, теперь горела ярким пламенем.

И вот сейчас Клэр улыбается Эйдену, охваченная воспоминаниями.

– Тот поцелуй был идеальным, – говорит она. – С ним ничто не сравнится.

– Ничто?! – восклицает в притворном ужасе Эйден. – Хочешь сказать, что все те тысячи поцелуев за последние пару лет не идут с ним ни в какое сравнение? Ох, если бы я знал, то не стал бы так стараться.

Она легонько толкает его в грудь:

– Ты и так не *особенно* старался.

– Эй! Это всегда были мои козырные поцелуи! Помнишь, как мы целовались в гардеробной на вечеринке Энди? Или ту ночь в парке?

На секунду он умолкает, а потом его лицо озаряется.

– Или тот поцелуй в твоём подвале?

– Какой...

Эйден с ухмылкой перебивает Клэр:

– Ты знаешь какой.

– О! – слегка покраснев, восклицает Клэр. – Точно.

– Значит, по-твоему, все они были хуже?

– Они все были превосходными, но не первыми. Первый

поцелуй с тобой на всю жизнь, знаешь ли.

Эйден неожиданно склоняется к ней, но когда их губы встречаются, за этим поцелуем чувствуется неестественный порыв, и их ощущения теряются в сгущающейся темноте. Он обхватывает ее лицо рукой – как это делают в фильмах, – чего никогда, ни разу за все время, пока они встречались, не делал, и из-за этого поцелуй становится каким-то слишком уж театральным, постановочным, в нем слишком много лишнего.

Клэр слишком быстро отстраняется, и на лице Эйдена проступает обида.

– Что?

– Ничего. Просто... мне кажется, ты слишком стараешься сделать все по-особенному.

– По-моему, в этом и заключается твоя задумка. – В голосе Эйдена звучит смирение. – Я думал, мы должны заново пережить все самые важные моменты.

– Так и есть. Но нам еще нужно поговорить о будущем.

Эйден ничего не отвечает, лишь немного отодвигается от Клэр и поворачивается лицом к воде. Небо над ними еще светится оранжевым у самого края горизонта, но сверху начинают сгущаться тучи, принося с собой запах дождя.

Несколько минут они сидят в тишине, но потом Клэр нарушает ее:

– Послушай, ты же знаешь, что я чувствую к тебе...

Эйден продолжает молчать, и она, кашлянув, начинает

снова, уже более настойчиво:

– Эйден. Ты же это знаешь, да?

Он кивает, стиснув челюсти.

– Но просто... Я думаю, наш срок подходит к концу. – Дрожь в голосе удивляет даже ее саму. Она не в первый раз говорит эти слова, но сейчас они раздаются как гром среди ясного неба, ошеломляющие и категоричные. – И нам надо поговорить об этом.

– Мы не можем подождать немного дольше?

– Нельзя больше откладывать.

– Готов поспорить, что можно. – На лице Эйдена проступает слабая улыбка. – Я очень хорош в откладывании на потом.

Клэр тоже улыбается:

– Это точно.

– А если так? – Он разворачивается к ней лицом, в его глазах горит надежда. – Давай притворимся...

– Эйден.

– Нет, выслушай меня! Давай притворимся хотя бы на несколько минут, что завтра мы уезжаем в одно и то же место.

– Да?

Эйден прижимает Клэр к себе и опускает подбородок на ее макушку, так что, когда он снова начинает говорить, она чувствует низкую вибрацию хрипловатого голоса.

– Да. И вот как я это вижу: мы будем встречаться каждое

утро, вместе идти в столовую, где будем завтракать ужасным беконом с холодными яйцами и доделывать задания. Потом мы пойдем на занятия, ты – на курс повышенной сложности теории чего-нибудь, а я – на вводный курс для лодырей-качков. После занятий мы будем тусоваться во дворе у корпуса, и я буду играть на гитаре...

– У тебя абсолютно нет слуха, – указывает Эйдену Клэр.

Он пожимает плечами:

– Ну да, но мы же просто притворяемся. А какой двор колледжа будет существовать без игры на гитаре?

– Ладно, а дальше?

– Каждый вечер мы вместе будем ходить в библиотеку. Ты будешь заниматься, а я буду бросать в тебя бумажные шарики и смешаю все твои записи на цветных стикерах.

– У меня нет...

Он наклоняется и строго смотрит на нее:

– Еще как есть. У тебя точно есть цветные стикеры. И маркеры.

Клэр закатывает глаза:

– Хорошо.

– На ужин мы едим лапшу быстрого приготовления, вместе ходим по барам и на скучные лекции, а по воскресным вечерам смотрим фильмы. Наши соседи по комнате никогда не приходят ночевать, и мы спим вместе, и нам очень удобно на этих маленьких кроватях общежитий, и каждое утро мы просыпаемся вот так, – он прижимает ее к себе еще крепче, –

в объятиях друг друга.

Клэр закрывает глаза.

– Почему... – начинает она, но не справляется с голосом из-за нахлынувших эмоций. – Почему мы так не сделали?

– Мы решили, что каждый будет жить своей жизнью, – не без грусти отвечает Эйден. – И я могу это понять. Правда. Но это еще не значит, что мы не можем быть вместе.

– Нет, значит. – Клэр распрямляет плечи, словно вдруг очнувшись от глубокого сна. Она поворачивается к Эйдену: – Ведь в этом-то и дело – мы не будем вместе *по-настоящему*. Между нами будет почти пять тысяч километров.

– Да, но...

Она качает головой:

– Дело не только в расстоянии – его еще можно было бы преодолеть. Можно притворяться, что все нормально, надавать обещаний, говорить по телефону каждый вечер и писать сообщения между занятиями, спланировать встречу во время осенних каникул. Но общение уже будет натянутым, потому что слишком много всего изменится и мы уже не будем вписываться в жизни друг друга. А потом какой-нибудь симпатичный парень, который живет дальше по коридору, заглянет ко мне, чтобы просто поздороваться, и, пусть он всего лишь друг, ты начнешь ревновать. Мы поссоримся, ты уедешь, а я оставлю тебе миллион голосовых сообщений, отправлю кучу длинных и многословных писем, но тебе все равно будет горько. Ты переспишь с какой-нибудь случайной

девчонкой, а я как-нибудь узнаю об этом, потому что, давай будем честными, о таких вещах всегда как-то узнают. Я приду в ярость, потому что мы с тем парнем просто друзья, а то, что сделал ты, непростительно, и вот так все закончится. А потом мы увидимся на День благодарения – на какой-нибудь вечеринке, в боулинге или даже дома у Скотти, – и ты будешь с несчастным видом одиноко стоять в углу, а я – в другом, перешептываясь со Стеллой, но хуже всего этого будут охватившие нас ревность, обида и горечь. Это будет ужасно, потому что между нами никогда раньше не было ничего такого, нам просто не было до этого дела. Но уже ничего не изменить, и все закончится вот так, грустно и сложно, и это неизбежно разобьет наши сердца в мелкие осколки. Кто этого захочет?

Эйден долго смотрит на нее.

– Точно не я, – немного ошарашенно говорит он.

– Вот именно, – не без удовлетворения соглашается Клэр.

– Так... а почему бы тебе с самого начала не избегать встреч с тем симпатичным парнем?

– Не в этом дело, – отвечает она, хотя знает, что он всего лишь поддразнивает ее. – Тебе бы не хотелось закончить все сейчас, на наших условиях, чтобы мы могли, по крайней мере, остаться друзьями?

– Я не хочу быть друзьями.

– Мы все равно всегда ими были, с самого начала.

Эйден качает головой:

– Значит, ты так считаешь?

– Да.

– Боже, Клэр! – Лицо Эйдена становится мрачнее тучи. – Как же бесит, что для тебя существует только черное и белое! Только потому, что мы не... В смысле, мы же не будем типа друзьями по переписке.

– Знаю, но...

– То, что ты описала, не случается так уж часто, – с горящими глазами говорит Эйден. – А ты хочешь разрушить все только потому, что может быть слишком сложно. Или потому, что хочешь встретить кого-то другого.

– Нет! – отвечает Клэр, стараясь, чтобы голос не выдал ее отчаяния. – Просто... мы еще так молоды. Совершенно *нормально* считать, что мы не проживем всю жизнь с человеком, с которым встречались в старшей школе.

Эйден угрюмо смотрит на нее.

– Мы не твои родители, – говорит он, поднимая маленький камень и бросая в серую воду, где он с плеском исчезает. – У нас все по-другому.

Родители Клэр уже были женаты, каждый – на своей любви из старшей школы. Однако их браки распались, и после развода оба счастливо обрели друг друга.

Клэр считает это неким уроком.

– Ты не можешь знать наверняка, – хмурясь, говорит она.

– Вообще-то могу, – снова бросая в озеро камень, уже сильнее, отвечает Эйден. – Они – всего лишь один случай

из ста. Миллионы других пар, повстречавшихся в старшей школе, до сих пор живут совершенно счастливо. Ты просто отказываешься замечать их, потому что уже приняла решение.

Клэр обиженно смотрит на него:

– Это нечестно.

– Да ну? – Эйден старается не смотреть ей в глаза. – Напоминает тот раз, когда мы тащили стол в подвал твоих родителей. Мы оба держали его, и все было нормально, а потом ты уронила свой край, и случилась вся та жесьть со сломанной стеной и моим плечом...

– Я поняла, – перебивает его Клэр. – Ты думаешь, я сдаюсь. Однако это не так. Я всего лишь пытаюсь спасти нас от проблем.

– Что ж, а я, может быть, не хочу, чтобы меня спасали, – говорит Эйден, все-таки решившись посмотреть на нее. – Я считаю, нам хватит того, что у нас есть.

– Хочешь ты того или нет, это не сработает, – отвечает Клэр, и тут же ей самой становится грустно. Эйден сердится, глядя куда-то вдаль, она видит это и хочет забрать свои слова назад, как-то утешить его, дать ему крупицу надежды. Но уже слишком поздно. Это будет нечестно по отношению к ним обоим. Клэр тянется к его руке, но он отдергивает ее, и она вздыхает: – Прости, но одного твоего убеждения недостаточно.

Эйден пристально смотрит на воду, нахмутив лоб.

– Откуда тебе знать, если ты даже не попыталась?

– Я просто знаю, – тихо отвечает Клэр. – Даже чувствую.

– Что ж, я чувствую иное.

Клэр ждет, пока он скажет что-то еще, но Эйден молчит.

Протяжно вздохнув, он проводит рукой по волосам. Раньше они всегда торчали во все стороны, и Клэр находила это необычайно очаровательным. У нее обрывается сердце лишь от такой маленькой перемены, как новая стрижка для колледжа. Тяжело даже думать о том, сколько еще других перемен ждет их впереди.

– Мне больше нравилось, когда мы избегали говорить на эту тему, – наконец говорит Эйден, и Клэр кивает.

– Мне тоже, – признается она, – но нам нужно что-то решать. Часики тикают.

– Ты как будто про бомбу говоришь. Словно *мы* – какая-то бомба.

– Может, так и есть.

Им больше нечего сказать, да они и не пытаются. Оба смотрят на линию горизонта, на последние тонкие лучи заката, на первые звездочки и тонущего Расти, обреченного всю жизнь беспомощно крутиться в темной воде. Клэр подтягивает колени к подбородку, и ее пробирает дрожь, хотя она и не замерзла.

Через минуту Эйден наклоняется и подбирает еще один маленький камушек.

– Твой сувенир, – тихо говорит он, протягивая его Клэр.

– Моя коллекция становится все тяжелее, – отвечает она, убирая камушек в сумку.

– Я помогу тебе нести ее.

– Тебя там не будет, – говорит Клэр, быстро моргая и уговаривая себя не разреветься.

– Но сейчас-то я здесь.

Эйден берет сумочку и достает оба камня, а потом удивленно поднимает брови, ощутив в руке шейкер с пармезаном. Он поднимает его, и ветерок тут же подхватывает выпавшие хлопья сыра. На секунду кажется, будто пошел снег.

– Да, – соглашается Клэр, – но только пока.

– Только пока, – повторяет Эйден, словно пытаюсь привыкнуть к тому, как это звучит.

Потом он наклоняется и снова целует Клэр, и в этот раз не для того, чтобы произвести эффект. В этот раз поцелуй получается таким, каким должен быть. Грустным, нежным и до боли в сердце знакомым.

– Так гораздо лучше, – говорит она, сжимая в руках его ладони.

Остановка четвертая

Дом Галлахеров

20.40

Они почти доходят до машины, когда Эйден останавливается и вытаскивает из заднего кармана телефон. Он несколько секунд стоит в центре парковки, его лицо освещает голубоватый свет от дисплея, а потом он со вздохом поднимает глаза на Клэр.

– Я так понимаю, моего дома в списке не было?

– Я лишь собиралась встретить тебя там, – отвечает она, пока они подходят к машине. – Но мы, конечно, можем заехать. В любом случае я должна попрощаться с твоими родителями. А что случилось?

– Нужно подвезти Райли до боулинга, – прислоняясь к багажнику, говорит Эйден. На бампере наклеен стикер Гарварда, начавший отходить, и он отдирает его задником кроссовки.

– Хорошо, все равно боулинг был в списке.

– Следующим пунктом?

– Нет, но порядок можно и изменить. Это не так уж и *важно*, верно?

Эйден улыбается:

– Надо же! Какая ты вдруг сговорчивая!

– Да, я такая. – Клэр наклоняется, чтобы стряхнуть с ног песок, а потом открывает дверь с пассажирской стороны. – Уступчивая. Приспосабливаюсь к обстоятельствам. Будь что будет.

– О да, – с ухмылкой глядя на нее поперх машины, говорит Эйден. – Суперуступчивая.

К тому времени, когда они сворачивают на свою улицу, становится совсем темно, но во всем квартале уже зажгли фонари, а в окнах домов горит свет. Эйден заезжает на подъездную дорожку, но продолжает сидеть, не заглушая двигатель, а потом поворачивается к Клэр с вымученной улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.